

РОМАНТИЧЕСКИЕ КОМЕДИИ

ДАРЬИ СОЙФЕР

Дарья Сойфер

На грани
серьезного

МОСКВА
2018

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С54

Дизайн серии и иллюстрации на обложке
Ольги Медведковой

Сойфер, Дарья.
С54 На грани серьёзного / Дарья Сойфер. — Москва :
Эксмо, 2018. — 352 с. — (Романтические комедии
Д. Сойфер).

ISBN 978-5-04-096763-6

Кира привыкла обходиться без мужчин. Она и сама даст фору любому из них. Программист и стендап-комик, она смотрит на мир с иронией. Но жизнь ставит перед ней сложную задачу: стать матерью сейчас или никогда. И тут уже без мужского вмешательства никак. Где взять отца будущему ребенку? И годится ли на эту роль коллега по комедиийному цеху, который попросту не умеет быть серьезным?..

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-096763-6

© Кулыгина Д., 2018
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2018

Глава 1

— *В*сем привет! Меня зовут Кира, мне тридцать два, у меня нет детей, мужа, и я программист. Как вы понимаете, это совершенно не то, что хочет слышать о своей дочери нормальная мать. И тот факт, что я стою сейчас здесь, перед вами, только усугубляет ситуацию. Потому что стендап еще никому не подарил внуков.

Мне повезло с родственниками. Знаете, не каждый может похвастаться таким обилием людей, которым не все равно. Которые готовы дать совет на все случаи жизни. Наверное, поэтому я пошла в юмор: за последние лет семь только и делаю, что отшучиваюсь на вопрос: «Когда же ждать пополнения?» Волей-неволей приходится придумывать что-то кроме «Я просто переела огурцов». Самое ужасное, что в остроумии тренируются и остальные. Аист заблудился, неурожай капусты, прогуливала в школе биологию... И это только из репертуара моего дяди. Он из тех, кто сам громче всего смеется над собственными шутками.

Меня считают привередой. Еще бы: мне недостаточно классической пары «не пьет, не бьет». Да что

Дарья Сойфер

уж там, у половины моих троюродных сестер мужа и закладывают за воротник, и раздают затрешины. Но это ж не считается! Потому что любя. Зато эти самые сестры гордо появляются под руку с мужьями на торжествах и за столом по-хозяйски тыкают их локтем. При этом жалостливые взгляды почему-то достаются мне.

Если бы за каждый такой взгляд мне давали десять рублей, я давно бы наняла пластического хирурга, сменила паспорт и уехала на Аляску. Или смогла бы обороняться увесистым мешком мелочи. Хотя кого я обманываю? У меня в коридоре стоит полная банка денег, а я до сих пор не отбываю срок за нанесение тяжких и членовредительство.

Все видели «Крестного отца»? Тогда можете считать, что вы побывали на нашем семейном празднике. Не каждый страшен так, как свадьба, но для неподготовленного человека даже скромный юбилей может стать роковым.

Наше застолье — это минимум два дня готовки до и столько же попыток распахнуть тазы остатков после. Я спрашиваю: «Может, не надо столько?» И чувствую себя инопланетянином. Как будто спрашиваю не я, а внеземной червь из моего живота: «Зачееем столько оливье?» При этом всегда есть какое-то негласное соревнование. Мол, ну ясно же, почему не доели. Фая слишком крупно режет. Зачем вам этот холодец? Вот попробуйте рыбу, я сама нафаршировала. И каждый раз, протягивая вилку, ты как сапер. Надо помнить, кто что готовил и кому надо раздавать комплименты.

На грани серьёзного

Не приведи господь похвалить тете Фае Оксанину «шубу».

Еще одна традиция — это дедов тост. Я люблю своего деда, но ему первому принято давать слово. Мы с братом однажды вывели алгоритм. Сначала обязательно про то, что было раньше. Что дети бежали по двору без присмотра, колбасу делали из мяса, а идеалы были светлыми. Потом мы убеждаемся, что нравы упали окончательно, и в этой геенне огненной остался лишь один островок благочестия — наша семья. Потом коротко по каждому члену семьи. Знаете, что такое геометрическая прогрессия? Это о нас. У деда пятеро детей, у каждого из этих пятерых минимум двое, а у каждого из внуков уже давно... Ну, вы поняли. Бездетных осталось двое: я и мой двоюродный брат Коленька, который только перешел в девятый класс. К Коленьке претензий нет, у него скрипка, фигурное катание и медаль по шахматам. И тут, традиционно, все косятся на меня, дед вздыхает, и все опрокидывают по первой. Я уже вижу, как пройдут годы, Коленька, окруженный толпой внуков, поднимет тост вместо деда и тоже посмотрит на меня. Я буду та еще старая перечница с ходунками. Наверное, даже прикреплю к ним теннисные мячики, чтобы они весело поскрипывали при моем приближении. У меня будут две вставные челюсти: рабочая и парадная. А татушка сползет с копчика на щиколотки, и все будут делать ставки, что это: сморщенная бабочка, дохлая птица или китайские иероглифы. И Коленька тоже вот так грустно посмотрит

на меня, вздохнет и спросит: «Ну когда же и Кирюша нас порадует?» А тетя Фая — если к тому моменту изобретут капсулы вечной жизни — доверительно наклонится ко мне и расскажет про очень перспективного деда из соседнего подъезда.

Нет, серьезно, откуда в двадцать первом веке эти предрассудки? Во всех американских фильмах героини рожают минимум лет в сорок. А актрисы, которые их играют, и того позже. Откуда вообще этот термин «старородящая»? В двадцать пять лет! Мне страшно думать, что скажут обо мне, если я таки прислушаюсь к родственникам и совлекусь с сыном Евменовых. Если в двадцать пять женская репродуктивная система старая, то в тридцать она уже ветхая? Дряблая? А к тридцати пяти изношена полностью? Или иссыхает и самоликвидируется? Что это за дискриминация по возрастному признаку?

Думаете, кто-то из мужчин парится по этому поводу? Ничего подобного. Есть в зале мужчины за тридцать? Кто-то считает себя старым? Давайте почестному. Нет таких? Вы видели ребят, которые выходили на эту сцену до меня? Попробовал бы кто-нибудь им сказать, что они старозачавшие. Они все поголовно, все до одного носят кеды. Да, бороды. Но с кедами, Карл! Это какие-то метровикинги, честное слово. У Андрея Касаткина браслетов больше, чем у меня. Серьезно! Посчитайте, когда он выйдет. Если все мужики в барбершопах, в узких штанишках и кедах на босу ногу, то в какой момент они должны заняться своими прямыми обязанностями по про-

На грани серьезного

должению рода? Почему я должна влачить свое жалкое старородящее существование, а они — до ночи играть в варкрафт и меряться бородами?..

Кира Скворцова ушла со сцены под разрозненные хлопки. В понедельник вечером клуб почти целиком пустовал. Пили мало, поэтому смеялись редко.

Уже на ступенях она традиционным «дай пять» передала эстафету Эрику Саакяну. И даже не надо было вглядываться в его сочувственную физиономию: и без того было ясно, что выступление — не фонтан. А ведь это он советовал говорить о личном и наболевшем! Когда не смешно самой, что удивительного, если не можешь насмешить остальных?

Кира обернулась: Эрик взялся за микрофон и вальяжно уселся на высокую табуретку, согнув длинные ноги в модных вельветовых штанах. За это зрелище женщины в зале были готовы смеяться. Призывно и гортанно. Вон, за передними столиками дамы уже приняли положение повыгоднее... Кира раздраженно мотнула головой и не стала слушать Саакяна.

В примерке было тускло и пахло чем-то кислым. Еще вчера дружно искали, что сдохло, но так ничего и не нашли. Лампочки и вовсе перегорели неделю назад. Парни традиционно завалили собой единственный сносный диван, и Кире пришлось устроиться на продавленном красном кресле. За кулисами клуб, который музыканты делили со стендап-комиками,

выглядел менее презентабельно, чем зал для посетителей.

— Как сегодня? — сочувственно спросил Стас, смяв опустошенную банку пива: он уже выступал и мог теперь расслабиться.

— А... — Кира откинулась на спинку кресла и неопределенно скривилась.

— Будешь? — Леша протянул ей чешское нефильтрованное.

Она сглотнула с тоской.

— За рулем.

— Как знаешь, — он передернул плечами, со смачным пшиком поднял открывашку и большими глотками отпил.

Минут десять она на сухую наблюдала, как наслаждаются выпивкой коллеги, слышала раскаты хохота из зала. На этом терпение иссякло, и она встала.

— Никого не подвезти? — Кира взяла со столика сумку с ключами и против воли зацепилась взглядом о зеркало.

Жалкое зрелище. Среди товарищей ее выделяло только отсутствие пресловутой бороды. Рубашка в клетку, драные джинсы, тусклые каштановые волосы. Неудивительно, что очередь из поклонников не караулит ее за дверью. Ну нечестно же! Парни не в смокингах, а на них вешаются юные прелестницы. А ее вон вчера в очереди называли женщиной...

— Время детское... — Стас откинулся на спинку дивана. — Поехали с нами.

На грани серьёзного

— Чтобы вас потом пьяных развозить? Обойдешься.

Стас хохотнул, Леха довольно заулыбался. Везунчики!

— Слушай, Кир, — окликнул ее Андрей Касаткин, когда она уже накинула любимую кожаную куртку и схватилась за ручку двери. — А ты на кастинг собираешься?

— Какой? — насторожилась она.

— В телепроект. Отбирают в конкурс, победители войдут в основной состав стендаперов. И деньги хорошие, и пиар.

— Куда мне... А что, правда хорошие?

— Больше, наверное, чем у тебя в техподдержке. А потом всякие корпоративы пойдут.. Вот где золотая жила. Забьешь на офис. И мужиков там богатых пруд пруди.

— Фу, надо тебе все испортить! И сто раз говорила: я не в техподдержке, я — разработчик... Кто-нибудь из наших идет?

— Я пойду, — пожал плечами Стас. — Ну, Андрюха, он это и откопал. Саакян, ясен пень. Правда, сходи. В лоб не дадут.

— Думаешь? — Кира задумчиво прислонилась к косяку и потерла переносицу. — Не факт, что я пройду отборочный... Слышал, как тухло сегодня было? Залу почти не зашло. А я это неделю писала. Ну на фиг..

— Сегодня ни у кого не зашло, — мотнул головой Леша. — Понедельник, вечер... Вообще не наша

публика. Нормально ты выступала! Подправить кое-что и...

— Короче! — Андрей подался вперед. — Я тебе все скину, решай сама. Какой смысл всем этим заниматься, если ты даже попытаться не хочешь?

Кира дернула плечом и вышла. Касаткин был, конечно, прав. Она сама иногда недоумевала, какой леший занес ее в стендап. Как-то случайно вышло. Ее и в команду КВН в институте взяли, как единственную девочку на курсе. В физтехе-то. Надо было какие-то сценки разбавить. Ерунда, текста на две строчки. Но ей нравилось собираться после пар в пустой аудитории, готовиться, рисовать декорации. Какая-никакая, а движуха. А дома что? Вымой посуду, разбери вещи... Тоска. А потом вдруг пришла мода на стендап. То было караоке, а стал стендап. На какой-то вечеринке был открытый микрофон, Кира вышла покуражиться... И на удивление подседа. Сначала приходила больше других послушать, потом стала готовить свои шутки. Леша Крашенинников, бывший однокурсник и коллега по команде КВН, затащил в клуб, где они вечерами тусовались... И все это переросло в хобби.

Она не рассчитывала на большое будущее. Да, с удовольствием смотрела выступления крупных комиков, но сама — и на экран? Не по Сеньке шапка. Конечно, догадывалась, приходя в офис по утрам, что не желает однажды здесь скопытиться от рутины и однообразия, но и артисткой себя никогда не считала. И все же... Может, попробовать? А вдруг? Хо-

На грани серьёзного

тя бы родители перестанут считать, что она мается ерундой.

Из размышлений ее вывели подмигивание желтого светофора и телефонный звонок.

— Да! — ответила она по громкой связи, миновав перекресток.

— Ты уже подъезжаешь? — огорошил ее материнский голос.

— Э... Куда? — осторожно поинтересовалась Кира.

Ее мама, Нора Альбертовна, не покидала Нижний Новгород лет уже эдак пятнадцать. А Кира эти самые пятнадцать лет всячески избегала родных мест. Сначала — общежитие института, потом — квартира отцовой тетки... Иными словами, Москва, и только Москва. Поэтому с чего бы ей подъезжать к маме в разгар рабочей недели, если ни свадьбы, ни юбилея ни у кого из родни не предвидится?

— Как куда?! — ахнула Нора Альбертовна. — А забрать Катюшу?

— Твою ж... — Кира прикусила язык. — Когда?!

— У нее поезд полчаса назад должен был прийти! Я же говорила! И на почту...

— Подъезжаю. Пока, мам, наберу, как доедем.

Кира добралась до первого разворота и направилась в обратную сторону. В памяти сразу всплыл разговор месячной давности. Двоюродная племянница — или как там правильно назвать дочку кузины — поступила в московский институт. Разумеется, не по общежитиям же ребенку скитаться. Решено

было подселить к Кире. И как можно было забыть!.. Теперь никаких гостей, посиделок, только нянчить и оберегать великовозрастное дитя. Если оно уже не потерялось на вокзале.

Эти железнодорожные опухоли все так же светились неоном и пахли бездомными. Приближение вокзала чувствовалось за два-три квартала: метастазами распространялись таксисты, попрошайки, баулоносцы и торгаши. Новомодный антураж не изменил злачной сути.

Завидев на ступеньках беспомощно озирающуюся Катюшку, Кира ощутила острое сочувствие. Такая аккуратная, хрупкая, сжимающая двумя руками чемодан на колесиках... Просто Мария, ни дать ни взять. Приезжих всегда очень хорошо видно по старательности, с которой они относятся к собственному облику. Все лучшее из закровов. Пиетет к столице великой страны. Нет, их не спутать с аборигенами. Кира давно усвоила: если человек вышел с утра в магазин растрепанный и чуть ли не в пижаме, то это явно москвич в десятом поколении.

Кира набрала племянницу, но услышала только-механическую отповедь про недоступного абонента.

— Катерина! — крикнула Кира, высунувшись из окна под ревнивыми взорами таксистов.

Та вздрогнула, замахала и так рьяно бросилась вниз по гранитным ступеням, что Кира не на шутку испугалась.

— Слава богу! — выдохнула Катюша, плюхаясь на заднее сиденье. — Они все на меня так накинулись!

На грани серьёзного

«Девушка, девушка»... А телефон разрядился, и адрес твой я не помню... Ты, наверное, в пробках стояла?

— Угу, — заталкивая совесть поглубже, соврала Кира. — Голодная?

— Не переживай. Мама мяса передала, лечо. Сейчас быстро приготовим что-нибудь.

Приготовим... Говорить ей, что в холодильнике еще сохранились отпечатки сотрудников магазина? Что лучший ужин — это осетинский пирог с зеленью из пекарни на первом этаже? Или тогда она навеки падет в глазах родственников и ее официально признают невыдаваемой замуж?

— Давай все же заедем, перекусим... — уклончиво ответила Кира. — Я угошаю. Отметим приезд...

— Ладно... — сдалась Катюша. — Я бы что-нибудь выпила.

— В смысле?! Тебе разве можно?

— Мне восемнадцать.

Кира недоверчиво покосилась в зеркало заднего вида. Восемнадцать?! И почему ее никто не предупредил?! Ах, ну да. Институт же. В институт же поступают совершеннолетние... Так, кажется? Да и сама Кира на первом курсе могла перепить любого, спасибо папе с братом. Но Катюша?! Девочка с косичками, которой дед построил целый дворец для кукол? Катюша, которую Кира лично учила кататься на велике? Восемнадцать... Так что же это получается? Она будет водить парней и все такое? Вечеринки? А отвечать за последствия кому?.. Ох, вот вечно от родни проблемы...